

ЛЮБОВНАЯ ПЕНТАГРАММА И ЖЕНАТЫЙ ОТШЕЛЬНИК

Исаак Зингер доказал всему миру, что у литературы на идиш есть будущее

Независимая газета. — 1998. — 5 марта. — с. 10

Анна Вербиева

ИСААК БАШЕВИС
ЗИНГЕР

В СУДЕ
У МОЕГО ОТЦА

РОМАН
ЛЮБЛИНСКИЙ
ШТУКАРЬ

Исаак Башевис Зингер. В суде у моего отца. Люблинский штукляр. Романы. — СПб.: Лимбус Пресс, 1997, 5 тыс. экз.

ИЗВЕСТНО, чего стоит народ, не имеющий родины. «Они — клика радикалов, масонов, атеистов, интернационалистов, жаждающая все захватить, всюду доминировать, всем воспользоваться и все оплывать...» Это не из листовки общества «Па-

мать», это слова самого крупного из еврейских писателей Исаака Зингера, сказанные о выкрестах. «Евреи, которые ходят в короткой одежде и бреют бороду — или русификаторы, или революционеры, а зачастую и те, и другие сразу. Они рабочих и эксплуатируют, и сами же их баламутят». Это тоже из Зингера.

Сын варшавского раввина Исаак Зингер обрел популярность (прежде всего в Америке, где жил с 1935 года) лишь в 70-е, будучи уже преклонных лет, а в 1978-м стал лауреатом Нобелевской премии. Рассказы Зингера — настоящая энциклопедия еврейской жизни, той самой, местечковой. И быт, и колорит, и дух, и закон. Теперь в прекрасном переводе Асара Эпеля пришел к русскому читателю «Люблинский штукляр» — роман, открывающий и сердце, и печень народа Книги: история еврейского святого.

Впрочем, зингеровский святой выдуман. И выстрадан. Сорокалетнему циркачу Яше Мазуру удаются любые «штуки»:

карточные фокусы, технические иллюзии, гипноз, хождение по канату, освобождение от пут на манер Гарри Гудини. Его обожают и воры, и аристократы.

Женщины влюбляются до самоубийства.

В люблинском предместье Яшу ждет преданная еврейская жена, в цирке и в дороге с ним верная помощница — плоскогрудая польская девушка-акробатка, и в воровской малине у него есть зазноба. Все его обожают, все от него полностью зависимы, с каждой из них у Яши прочная многолетняя связь, а избегает скандалов ему помогают талант, обаяние и удача. Но тут появляется четвертая — аристократка, профессорская вдова — и смущает его покой. Тема любовного треугольника звучит отдаленным фарсом в банальной пьесе провинциального театра. Но красавица-вдова превращает Яшин уютный и устойчивый любовный «квадрат» в дьявольскую пентаграмму. Она готова выйти за него замуж и уехать в солнечную Италию, где Яша выучит языки и сможет выступать на большой сцене как настоящий артист, а не балаганный штукляр. Но для этого нужно креститься, бросить на произвол судьбы трех женщин и, наконец, раздобыть такую кучу денег, какую можно только украсть, — вдова не знает, что ее возлюбленный беден.

Яша и готов решиться — веру

отпов он давно позабыл, законная жена бездетна и вскрыть любой сейф для него пара пустяков. Но решиться трудно. Дед его бежал десятки верст, чтобы вернуть забытый кем-то гривенник, и Яша никогда еще не брал чужого. Яша мается и мечтает смастерить себе крылья и полететь над городом, над Европой, в блистающий мир... Но события вынуждают его забраться ночью в дом спящего богача, и Яша почти готов повторить «подвиг» Раскольникова...

Все рушится в несколько дней: вернувшись без денег и с поврежденной ногой на квартиру, Яша застаёт свою акробатку в петле. Он нарушил все десять заповедей, хотя первую лишь косвенно, и удача покидает его навсегда.

Вернувшись домой, он садится на стул во дворе и велит замуровать себя, выложив вокруг глухие кирпичные стены без двери, но с окошком, куда жена сможет подавать скудную пищу. Он теперь не Яша-штукарь, а ребе Янкель Каюющийся.

Вся эта история могла произойти с христианином или мусульманином. Яша мятущийся и Янкель каюющийся так похожи на героев и Достоевского, и Александра Грина, и Маркеса. Но есть

одно отличие, главное, уникальное — оно и делает еврея евреем. Сыном народа Книги.

Что говорит жене, матери и сестре христианский отшельник? «Отойди, жено, не знаю тебя». И уходит в пещеру, в пустыню. Отшельник Зингера остается с женой, глядит на нее, разговаривает, радуется, что, ведя аскетичный образ жизни, не обременяет ее трагатами. Более того. В еврейской традиции — не называть жену по имени без крайней необходимости. Это не то, что запрет на произнесение имени Бога, но как-то близко, направлено к тому же центру. Семья для еврея действительно священна, и самое святое в семье не дети, которые безгрешны, а жена, которая родила этих и может родить новых. Пережить тысячи лет рассеяния и сохранить язык, веру, предание, то есть то, что и отличает один народ от другого, возможно только так. Потому и разводы у евреев, в отличие от христиан, относительно легки при отсутствии детей — если бесплоден один из супругов, то каждый должен получить шанс продлить род. Чтобы дожить, дотянуться потомками до пришествия Мессии, до восстановления Храма, до обретения родины.